

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. Н. ТОЛСТОГО. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК РАЗНЫХ ЛЕТ

ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ А. Н. ТОЛСТОГО: ИХ РОЛЬ В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. М. Крюкова

О существовании записных книжек Толстого в литературе известно сравнительно давно: впервые были опубликованы и проанализированы книжки, содержащие творческие записи к роману «Петр Первый», в работах А. В. Алпатова в начале 1960-х годов¹; в 1965 г. в томе 74 «Литературного наследства» Ю. А. Крестинским опубликованы три записные книжки писателя 1927—1930 гг. с записями продолжения романа «Хождение по мукам», среди которых был напечатан и последний дневник писателя (1932—1944 гг.), воспринятый публикаторами как еще одна записная книжка; записные книжки периода Великой Отечественной войны публиковались также в 1960-е годы в периодической печати (см. вступительную статью к этому разделу в наст. книге); записные книжки и дневники писателя неоднократно цитировались в работах исследователей его творчества (В. Р. Щербины, Л. М. Поляк, А. В. Алпатова, Ю. А. Крестинского, В. И. Баранова, В. В. Петелина и др.). Могло показаться, что вопрос этот не требует дальнейшей разработки...

Однако при более тщательном рассмотрении оказалось, что здесь есть целый ряд нерешенных проблем. Во-первых, публиковалась и цитировалась одна и та же, притом весьма незначительная количественно, часть записных книжек писателя; большая же их часть хранилась в архиве писателя в ИМЛИ и в личном архиве его вдовы Л. И. Толстой. Теперь в поле зрения исследователей находится весь сохранившийся материал, что, конечно, открывает новые возможности использования его в научных исследованиях. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, мы можем рассматривать дневники и записные книжки как закономерную и весьма значительную часть творческого наследия писателя — т. е. перейти от использования их в подсобных целях (комментарии и проч.) к их самостоятельному рассмотрению. Такая работа еще не проводилась. Задумываясь над вопросом, отчего это произошло (не от лени ли научной мысли, не от отсутствия же интереса), мы склонны связывать проблему с

«давлением» на нас толстовских оценок записной книжки. Известно, что писатель не признавал и не ценил ее: «Много лет я веду записные книжки, но записываю мало, главным образом фразы,— говорил Толстой в зрелые годы.— Раньше записывал пейзажи, случаи, которые наблюдал, и пр., но это мне ни разу не пригодилось: память (подсознательная) хранит все, нужно ее только разбудить. Но фразы, словечки записывать необходимо. Иногда от одной фразы рождается тип» (10, 135). Или: «*О записной книжке*. Вздор. Записывать нужно очень мало. Лучше участвовать в жизни, чем ее записывать в книжку. Этим я вношу поправку к «наблюдению». Жизнь познается изнутри» (10, 114)... Но если вдуматься в систему эстетических воззрений Толстого на протяжении всей его жизни, то окажется, что подобные высказывания — не более, чем желание заострить мысль и заставить молодого, начинающего писателя (а именно к нему обращены высказывания) изучать и знать реальную жизнь, а не литературу о ней. А для Толстого изучение жизни всегда было связано с воспитанием в себе наблюдательности, умения фиксировать творческое внимание на самом существенном в жизни и человеке; напомним его известные слова: «Лев Толстой, посмотрев на трясущийся затылок у мужика, понял, что мужик плачет от горя. Того же, качественно, порядка наша повседневная наблюдательность» (10, 72).

Толстой жил и творил в переломную эпоху в истории общества и истории культуры; реалистический метод, которого он придерживался в течение всей творческой жизни, нес в себе черты классического, благодатного русского реализма (от Пушкина, Л. Толстого, Гоголя, Достоевского) и вместе с тем явился и порождением своего времени. Новое отношение к факту жизни, способному самому стать, в своей изначальной сущности, явлением искусства, заставляло Толстого с особым пристрастием всматриваться в повседневную жизнь, воспитывать в себе умение видеть художественное зерно в ней: «*Наблюдение*. Это главная часть работы: материал для постройки, взятый путем наблюдения,— писал он.— С фантазией нужно обращаться осторожно,— пускать ее в ход только при наличии материала» (10, 114).

Очевидно, что в атмосфере таких принципиальных установок и возник в творческом наследии Толстого целый пласт — его дневники.

Отметим сразу же, что сам Толстой редко пользуется этим определением: более привычным является для него слово «записная книжка»; тем более, что и по внешнему виду его дневники ничем не отличаются от обычных, привычных нашему глазу записных книжек: небольшого формата, иногда совсем маленькие, в кожаных или бумажных переплетах... Лишь однажды, когда начинался новый этап его жизни, обычно сопровождаемый и новой записной книжкой, он написал, что будет вести дневник (см. в наст. томе *Дневник 1911—1914 гг.*). Да еще в конце жизни, отвечая на просьбу Н. В. Крандиевской дать оценку ее дневникам, Толстой в первый (и последний) раз сформулировал свое представление о назначении дневника писателя:

«Ты хочешь знать мое мнение о твоём дневнике, как о литературном произведении,— писал он Н. В. Крандиевской 21 марта 1939 г.— Во-первых: всякий дневник тогда только ценен, когда он не литературное произведение, а либо след (во времени) наблюдений за людьми, след эпохи, либо след развития своих мыслей, идей, вызванных восприятием эпохи.

Отрывки из твоего дневника — это твои впечатления от природы, впечатления горожанки, давным-давно не соприкасавшейся с природой. Я это подчеркиваю, так как впечатления твои проникнуты литературными реминисценциями. <...> Мне (т. е. всякому читающему дневник) интересны *прежде всего* наблюдения над людьми. Так как самое важное и самое интересное, что есть в природе,— это вскрытие человека в данной эпохе»².

Таково толстовское определение дневника как творческого документа. Попытаемся посмотреть, что же представляет собою дневник самого писателя.

Следует заметить, что понятие «дневник Толстого» вводится нами впервые: из огромного числа записных книжек мы выделяем небольшую часть их, которая может характеризоваться именно как творческий дневник.

Дифференцированный подход к записным книжкам писателя позволил выделить среди них и своего рода «дневники путешествий»: это — так и озаглавленные Толстым — «Дневник разведок золота в 1905 году», «Охотничий дневник» (1929 г.); записные книжки, которые писатель вел во время поездки по Волге с целью сбора материалов к роману «Хождение по мукам» (1927—1928 гг.), поездки на Сясьстрой (1930 г.), поездки на подъем судна «Садко» (1930 г.), поездки в Испанию (1937 г.) и др. Они содержат подробное описание путешествия, с его мерным, последовательно воспроизводимым ходом событий: «Завтра ставим насос и будем работать на ваштерде»; «Пуделяли вместе с папашей»; «Событие! Надели чистое белье...»; «О ужас! Кучеров вернулся без рыбы»; «Получено первое письмо от наших...»³ — фрагменты из «Дневника разведок золота». Так же традиционен стиль этих дневниковых записей, в которых, как правило, нет оценок и размышлений автора, а есть лишь объективная фактографическая летопись определенного периода его жизни: «23 июня 1905 года. Еле волочу ноги: лихорадка и нарыв. Папаше козлы не дают покою, ему уже теперь не нужно золота, он ходит на работу разными дорогами и все не может их встретить. Сегодня он, наконец, признал негодность штиблет и решил завести сапоги, как у Лопыгина»⁴. Этот тип дневника еще ждет исследования.

Большую же часть записных книжек составляют те из них, которые содержат редакции и варианты художественных и публицистических произведений писателя; они наиболее близки к интересующим нас творческим дневникам Толстого, хотя и значительно отличаются от них — это самостоятельный раздел в наследии писателя, который целесообразно рассматривать как его творческую лабораторию.

Дневник появился в жизни Толстого, как только он почувствовал в себе творческие возможности. В дневнике, т. е. в сиюминутной записи для себя, они впервые и проявились. И в прозаической форме — таков самый ранний дневник Толстого (1903—1905 гг.), включающий в себя запись: «В апреле месяце я был на представлении двух пьес труппой Станиславского: „Дядя Ваня“ Чехова и „На дне“ Горького...», которая вылилась в своеобразную рецензию на обе постановки (после смерти Толстого она включается в его собрания сочинений как статья «О пьесе Горького „На дне“»); вслед за ней идет фрагмент, озаглавленный «По поводу повести Андреева „В тумане“», а далее — целый ряд набросков из студенческой жизни (один из них, под заглавием «На площади у собора», так же, как и названная выше статья о пьесе Горького, печатается в собраниях сочинений писателя). И в стихотворной форме — известно около 20 записных книжек Толстого 1900—1909 гг., сплошь состоящих из стихов, часть из которых вошла в его сборники «Лирика» и «За синими реками», а большая часть так и осталась неопубликованной; однако условность рассмотрения стихотворной записи, какой бы личный характер она ни носила, как дневникового свидетельства очевидна (ранние стихотворные записи Толстого по своему замыслу все-таки рассчитаны на восприятие извне, в них присутствует как обязательный элемент обобщение, некоторая отстраненность от личности пишущего). Причем, если первые дневники и записные книжки Толстого представляли собою как бы один жанр, то в дальнейшем, как и в творческой судьбе, к примеру, Л. Н. Толстого и А. А. Блока, они получили разное назначение: дневник приобрел более личный, интимный характер, а записная книжка сосредоточила в себе функции исключительно творческого характера⁵.

Так, позднее у Толстого появились многочисленные записные книжки с драматургическими замыслами, с записями к романам «Хождение по мукам» (2-ой и 3-ей частям), «Петр Первый», «Черное золото», книжки с набросками публицистических статей и выступлений на разные темы. Они представляют собою творческую лабораторию писателя в чистом виде: это как бы черновики будущих произведений. К примеру, в Дневнике 1917—1936 гг. есть запись о генерале Корнилове (о его выступлении с войсками, его популярности и смерти), относящаяся к 1918 г. (не исключено, что она возникла из сообщения газеты «Вечерняя жизнь» (1918, 19 апр.): «Революционной мортирой убит под Екатеринодаром Корнилов...»). Позднее, уже в период работы над 2-ой частью «Хождения по мукам», в записной книжке 1927 г. Толстой подробно разрабатывает эпизод, записанный в дневнике:

«Банды Корнилова и Филимонова... Подкрепления шли по железной дороге пешком из станиц.

Адъютант Корнилова пор(учик) Долинский. Корнилов сидел у стола за картой, перед ним, наклонившись, стоял Долинский.

К Деникину подошел доктор.

Деникин — Скажите что-нибудь утешительное.

Доктор — Безнадежен.

Деникин судорожно выхватил платок и заплакал...»⁶.

Затем этот сюжет органично войдет в художественную ткань романа, будет нести существенную идейно-смысловую нагрузку. Когда редактор журнала «Новый мир» В. П. Полонский, познакомившись с рукописью романа, стал возражать против образов некоторых его персонажей, в том числе и против трактовки Толстым образа Корнилова, писатель резко выступил в защиту своей концепции романа: «Вы пишете, чтобы я с первых же слов ударил в литавры победы, Вы хотите, чтобы я начал с победы и, затем, очевидно, показал бы растоптанных врагов. По такому плану я *отказываюсь* писать роман. <...> Не для того я пишу роман, чтобы показать, — какие генералы были контрреволюционеры и монархисты. Генералы мне нужны, как выразители силы, боровшейся с революцией. Чем ярче, чем объективнее я опишу их — тем сила эта представится сильнее и страшнее, каковой на самом деле она и была...» (10; 107, 109). Так небольшая дневниковая запись, пройдя этап творческого осмысления в записной книжке, трансформировалась в важнейший художественный образ, составную часть концепции произведения. Примеры подобной трансформации дневниковых записей Толстого можно бы продолжить; но нам важно обратить внимание на то, что сама эта запись оказывается изначально концептуальной; из нее прорастает целая система социальных и философских воззрений писателя. Дневник в жизни Толстого играл несколько иную роль, чем мы привыкли видеть: как бы ни был значителен «традиционный» дневник по своей общественной и культурной ценности (например, дневники Л. Н. Толстого), он всегда оставался чем-то исключительно личным, интимным, предназначенным для себя; факты, мысли, наблюдения, записываемые в нем, имели порой смысл таинственный, неуловимый для стороннего чтения; реальная, бытовая жизнь автора дневника и жизнь внутренняя, духовная, запечатленные в традиционном дневнике, могли преобразоваться потом, спустя какое-то время, в его художественном творчестве, а могли, опять-таки, оставаться и в пределах обычной дневниковой записи. И дело здесь не в нашей (речь идет о стороннем чтении) неспособности «расшифровать» творческий потенциал той или иной записи в традиционном писательском дневнике, а часто — в самом отсутствии такого потенциала.

Дневник Толстого, повторим, всегда функционален⁷: он изначально, по замыслу своему, творчески нацелен — в нем нет ничего «лишнего», случайного, преходящего.

Дневники Толстого имеют лишь один аналог в русской литературе — дневники Достоевского. В современной литературе о Достоевском прекрасно показана эта творческая функциональность дневников великого русского писателя, движение его творческой мысли — от первоначального толчка, запечатленного в дневниковой записи, к ее художественно совершенному воплощению в романе. Правда, в тех же исследованиях⁸ творческие записи соседствуют в дневниках Достоевского с обычными житейскими записями или частными, мы бы сказали, личными, биографическими.

Толстой оказывается близок Достоевскому и в этой «смешанности» жанров дневниковых записей. Вот, к примеру, две записи из Дневника 1917—1936 гг.:

«Деспотизм. Культура Афин.

Славянофильство.

Неизбежность большевизма как переход к культуре духа.

Русская интеллигенция, Толстой и Достоевский — подготовка эпохи народного деспотизма.

Борьба с Западом. Пробуждение национального сознания».

И:

«Дано в Академию наук:

1) Восемнадцатый год

2) Хождение по мукам

3) Zar Peters...

4) „Аэлита“ [по-шведски] по-датски

5) „Аэлита“ на эсперанто

6) „Аэлита“ по-немецки

7) „Ибикус“ по-французски...»

Записи — одна: глубочайшего философского смысла, другая: личная, для памяти, заметка — соседствуют в одном дневнике, и тем острее их различие.

Однако дневники Толстого представляют творческую лабораторию писателя в более «чистом» виде. Это совершенство дневникового замысла у Толстого станет тем более очевидным, если мы сопоставим его дневники с письмами разных лет. В огромном эпистолярном наследии писателя сохранились два удивительных массива: его письма к родителям, А. Л. и А. А. Ботром (1891—1911, около 100 писем), и к жене, Н. В. Крандиевской (1914—1940, около 200 писем). Если все другие (за редким исключением) письма Толстого сдержанны, сухи, то названные циклы оказываются сходными по полноте самовыражения, вдохновенной насыщенности мыслью и вниманию к мельчайшим нюансам его внешней и внутренней жизни: «... написал я вам, что читал Гюго, но на самом деле прочел одну его статью, бросил, толку нет читать непоследовательно, все равно что при изучении математики выучивать спряжения латинских глаголов... Занятия у нас идут полностью, но не на все лекции хожу, так, например, считаю излишним слушать богословие, иногда пропускаю начертательную геометрию»⁹ — из письма матери и отчиму от 6 октября 1901 г.; а вот отрывок из письма Н. В. Крандиевской от 7 февраля 1915 г.: «Недавно вернулся с передовых позиций, пробыл там весь день около пушек, чуть не оглох. День был теплый и ясный. Поехал я туда еще вчера в автомобиле, был дождь, и мои спутники и я заночевали в лазарете на полпути. <...> Если бы ты могла видеть неопишемую красоту горной долины реки Чороха» (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской).

Интересно развитие творческой мысли Толстого: если ранние дневники и ранние письма, можно сказать, противоположны друг другу (подробная информативность в письмах и исключительно творческий, внеличностный характер ранних дневниковых записей в

тетради 1903—1905 гг.), то позже намечается возможность их слияния, или, во всяком случае, совпадения: письма приобретают характер исповеди, т. е. могут функционировать в жизни писателя в качестве дневника (так, некоторые записи в Дневнике 1915—1917 гг. органически сливаются с письмами к Н. В. Крандиевской того же времени). Однако для самого Толстого различие функций дневника как творческой лаборатории и письма как явления внетворческого было бесспорным. Открывая в 1911 г. новый дневник как нечто традиционное, дневник как хронику личной жизни (см. в наст. книге Дневник 1911—1914 гг.), он уже вскоре от своего намерения отказался: этот дневник, как и все другие, постепенно приобрел творческий характер.

Ниже публикуются дневники А. Толстого разных лет: 1911—1914 гг., 1915—1917 гг., 1917—1936 гг. и 1918—1923 гг. С учетом того, что последний дневник писателя, 1932—1944 гг., был опубликован ранее, мы можем сказать, что в настоящее время заканчивается публикация творческих дневников Толстого.

Кроме того, мы предлагаем вниманию читателя записную книжку писателя периода Великой Отечественной войны (1942 г.).

Материалы публикуются по подлинникам, хранящимся в ИМЛИ. При воспроизведении текстов соблюдены авторская хронология и порядок расположения записей, сохранено авторское написание некоторых слов (например: извощик, партизаны и др.).

¹ См., например: *Алпатов А.* Алексей Толстой — мастер исторического романа. М.: Сов. писатель, 1958.

² ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 115, л. 1.

³ Там же, оп. 2, ед. хр. 5/4.

⁴ Там же.

⁵ Во вступительной статье к «Записным книжкам А. А. Блока» В. Н. Орлов отметил различие функций этих биографических документов Блока, хотя порой, как замечает исследователь, записная книжка у поэта могла и заменить по своему характеру его дневник (см.: *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. М.: Худож. лит., 1965, с. 8—11).

Особенно наглядно различие функций этих документов у Л. Н. Толстого; стиль, характер, содержание записей резко меняются в дневнике писателя и в его записной книжке. Ср.: «3 сентября 1910 г. Вчера утром ходил, до Образцовки не дошли. Вернулся и начал писать с таким увлечением, какого давно не испытывал. Поехал верхом в Треканетово к мужику. Лошадь пала. Сильное впечатление. (...) 4 сентября. Ходил по парку. Поспал. Иду обедать. Записать: 1) «Понятие греха и совершение поступков и воздержание от поступков (...) есть необходимое условие истинно-человеческой, разумной, доброй жизни...» — записи из дневника (Полн. собр. соч., т. 58, с. 99); «Сознание есть чувствование себя всем и частью всего...»; «Жизнь есть сознание себя центром жизни, отделенного от других. Смерть есть уничтожение этого сознания...» — из записной книжки (там же, с. 149, 153).

⁶ ИМЛИ, ф. 43, № 371/1, л. 13—14.

⁷ Мы говорим исключительно о творческой функциональности дневников Толстого; вместе с тем известно, что дневники могут иметь и другую целевую направленность — от простейших дневников наблюдений природы до дневников типа дневников Д. П. Маковицкого, которые также имели функциональную направленность: запечатлеть жизнь Л. Н. Толстого с наибольшей полнотой и точностью.

⁸ См.: *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981.

⁹ Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев, 1982, с. 193.